

Религіозно-філософскіе вечера.

(Продолженіе).

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Христіанство среди другихъ религій.

На четвертый вечеръ мы снова всѣ, въ полномъ составѣ, собрались на террасу гостинницы, и Бѣльскій первый возобновилъ бесѣду.

— Вы, господа, вчера толковали о пессимизмѣ? Жаль, что меня не было. Я охотно сломалъ бы копье за одну изъ сторонъ; за какую?—все равно. Смотря по тому, какъ человѣкъ установитъ свой зрачекъ, міръ кажется ему свѣтлѣе или темнѣе, и какъ разъ вчера я готовъ былъ быть пессимистомъ, потому что погода была отвратительна, и кромѣ того я былъ разстроенъ.

Семеновъ. Этотъ пессимизмъ не отличался бы большой глубиной.

Миссъ Вильсонъ. Также какъ и оптимизмъ, вызванный хорошей погодой, не былъ бы высокой пробы.

Бѣльскій. Вы всегда преслѣдуете меня, миссъ, а я, несчастный, не могу защищаться на этой почвѣ, потому что не слыхалъ вчерашнихъ разсужденій. Но, возвращаясь къ предмету нашего предпоследняго разговора, знаете ли, что мнѣ пришло въ голову, послѣ того какъ мы разошлись? Вѣдь вы сплели между полемъ науки и полемъ религіи непроницаемый плетень.

А. Скажемъ лучше: мы признали, что область религіи лежитъ выше области научныхъ задачъ.

Бѣльскій. По-моему не въ томъ дѣло. Во всякомъ случаѣ вы

раздѣлили обѣ области и при этомъ забыли, что нынѣшняя наука включила въ свои владѣнія и религію, какъ таковую. У насъ теперь есть наука, которая изслѣдуетъ возникновеніе религій и законы ихъ развитія въ человѣчествѣ. Въ ту минуту, какъ эта наука достигнетъ высшей точки, вся область религій со всѣми догматами и откровеніями будетъ научно изслѣдована.

Девилль. Мы не забыли исторіи религій. Г. фонъ-Гайнбергъ говорилъ о ней въ первый же день, но этой наукѣ нечего возражать противъ нашего отграниченія. Она рассматриваетъ религіи, какъ эмпирическія явленія въ человѣчествѣ, и, идя путемъ опыта, изслѣдуетъ законы ихъ развитія. А религія ведетъ сердца и умы въ область абсолютнаго, куда та наука не можетъ проникнуть. Но кромѣ того я никоимъ образомъ не могу допустить, чтобы христіанство ставилось на одну доску съ прочими религіями, какъ простой продуктъ ихъ развитія. Христіанство, господа, ведетъ свое начало свыше.

Въльскій. Ахъ, это легко сказать: христіанство идетъ свыше! Я готовъ уважать ваше утвержденіе, какъ выраженіе личной вѣры, но долженъ замѣтить, что оно стоитъ въ полномъ противорѣчій съ выводами новѣйшей науки. Если въ наше время что-нибудь научно доказано и всѣми признано, то именно постоянство и единство религіозной эволюціи, какъ и всѣхъ другихъ эволюцій. Религіи начинались съ фетишизма. Для каждаго новаго явленія природы изобрѣтался новый духъ, который и служилъ предметомъ трепетнаго поклоненія. По мѣрѣ того, какъ пониманіе природы становилось выше и человѣческое мышленіе расширялось, безчисленные фетиши слились въ определенное число боговъ, которые дѣлились на мужскихъ и женскихъ, на добрыхъ и злыхъ, т. е. были созданы по образцу человѣка. Политическій строй народовъ тоже вліялъ на ихъ религіи. Въ борьбѣ, которую вели за свое существованіе народы, каждый долженъ былъ имѣть своего бога, котораго почиталъ особенно, не отнимая впрочемъ извѣстнаго достоинства и у сосѣднихъ боговъ. Такъ какъ борьба народовъ въ концѣ концовъ привела къ образованію большихъ царствъ, какъ напр. ассирійскаго, мечтавшаго нѣкоторое время о міровомъ господствѣ, то, какъ доказалъ Ренавъ въ исторіи народа

израильскаго, возникла идея *одного* божества, владѣющаго всѣмъ міромъ, идея монотеизма. Эта идея, стоящая выше политеистическихъ формъ религіи, и разнесла христіанство по землѣ. Она слила все воедино съ разными восточными мифами, а также съ вымыслами александрійской философіи о вочеловѣченіи, о Троичности, о Логосѣ, о загробной жизни. Къ этому въ качествѣ практической стороны присоединились положенія альтруизма, созданныя еще греческой философіей, и обряды, правда нѣсколько проще іудейскихъ и языческихъ, но всетаки близкіе къ нимъ. Такое цѣлое, несмотря на свои ошибки и внутреннія противорѣчія, являлось большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ прежними религіями. Люди получили болѣе идеальный предметъ поклоненія и болѣе совершенное нравственное ученіе, въ которомъ очень нуждались. Эта потребность, челоуѣчества чувствовавшаяся въ то время особенно сильно въ римской имперіи, и даетъ ключъ къ пониманію возникновенія и широкаго распространенія христіанства.

Девильль. Съ точки зрѣнія положительной философіи безъ сомнѣнія можно аргію вывести, что религіи начались съ фетишизма и закончили свое развитіе монотеизмомъ. Въ противоположность этому я точно такъ же аргію могу указать на логическую и психологическую невозможность такого предположенія.

Служеніе фетишамъ не могло стоять въ началѣ религіи, потому что кусокъ дерева или камня, очевидно, еще не заключаетъ въ себѣ достаточнаго основанія для того, чтобы въ челоуѣкѣ, съ трудомъ создававшимъ себѣ изъ него фетиша, зародилась *первая* мысль о божественномъ существѣ. Такимъ образомъ остается только вопросъ, въ фетишѣ ли впервые пытался воплотить первобытный челоуѣкъ полученную *откуда-то* идею божества. На этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно, потому что, какъ низко ни ставьте способности перваго искателя Бога, вы не сможете доказать, что онъ съ честной первобытностью видѣлъ въ мертвомъ камнѣ или грубомъ обручкѣ то высшее существо, отъ власти котораго, какъ онъ чувствовалъ, зависѣла его судьба. Философія религіи допускаетъ фетишизмъ только какъ позднѣйшее выраженіе.

Но и съ религіозно-исторической точки зрѣнія нельзя вы-

вести начала религіи изъ фетишизма или какого бы то ни было многобожія: если мы рассмотримъ дѣйствительные памятники человѣческаго духа, которые современная наука выкапываетъ изъ земли, то мы повсемѣстно въ самыхъ древнихъ свидѣтельствахъ найдемъ, хотъ и не вполне ясное, выраженіе идеи единобожія. Многобожіе же, напротивъ, является произведеніемъ какого-то процесса разложенія, которое до извѣстной степени можно прослѣдить на самихъ памятникахъ.

Египеть, колыбель греческой, а черезъ нее римской и, слѣдовательно, нашей собственной цивилизаціи, извѣстнѣе намъ лучше всѣхъ древнихъ царствъ и яснѣе всѣхъ рисуетъ намъ этотъ процессъ разложенія. Книга мертвыхъ хотъ и говоритъ, конечно, о многихъ богахъ, но она же, и особенно въ своихъ древнѣйшихъ частяхъ, говоритъ объ одномъ богѣ, „предъ которымъ склоняются боги“ и который „создалъ всѣхъ боговъ, и души, и міръ“. Она поясняетъ, что имена, которыя въ позднѣйшихъ книгахъ раздѣлены между разными божествами, суть имена одного этого бога. Небо и солнце—„образы его“, а онъ—„одинъ вѣчно живущій и полный жизни“. Еще во времена четвертой династіи на берегахъ Нила пѣлись пѣсни, въ которыхъ вѣялъ чистѣйшій монотеизмъ. Впослѣдствіи эти образы одного божества незамѣтно превратились въ боговъ. Солнце, прекраснѣйшій образъ Бога въ природѣ, дѣлается богомъ Аммонъ-Ра; вскорѣ затѣмъ восходящее солнце и заходящее становятся разными богами, а третье солнце, странствующее ночью подъ землею и освѣщающее страну мертвыхъ, получаетъ имя бога Озириса. Планеты въ свитѣ солнечной становятся тоже божествами, а оплодотворяемая солнцемъ земля—богиней. И такъ идетъ все дальше и дальше: символы умножаются и неизбежно, по крайней мѣрѣ въ вѣрованіяхъ народа, превращаются все въ болѣе мелкихъ и отвратительныхъ идоловъ. Когда, наконецъ, по прошествіи многихъ вѣковъ пришли въ Египеть греки, они нашли въ немъ религію, граничащую съ фетишизмомъ и поднимали на смѣхъ поклонниковъ овощей и пресмыкающихся. Вѣдь и намъ сорокъ лѣтъ тому назадъ преподавали въ школахъ религію Египта въ томъ же видѣ.

Въ клинообразныхъ надписяхъ Халдеи и Ассиріи ученыхъ

поражаютъ слѣды той же обратной эволюціи. Разобраны древнѣйшія пѣсни, въ которыхъ звучитъ вѣра въ *одного* Бога, творца природы и судію умершихъ, и отзвукъ этого первоначальнаго представленія о единствѣ Божіемъ слышится даже въ позднѣйшее время. Между прочимъ замѣчательнъ одинъ гимнъ Эа, нѣсколько экземпляровъ котораго находятся въ Британскомъ музеѣ. Научное сравненіе доказало, что нѣсколько стиховъ политеистическаго содержания вставлены въ позднѣйшіе списки, тогда какъ древнѣйшая часть строго монотеистична.

У персовъ возвышенный, чистый культъ Агуры Мазды выступаетъ старѣйшимъ изъ тѣмъ вѣковъ. Зороастръ является только преобразователемъ, очистившимъ эту старую религію отъ чуждыхъ примѣсей. Эту же роль приписываютъ себѣ въ своихъ извѣстныхъ надписяхъ Ахемениды Ксерксъ и Дарій. Только Артаксерксъ Мнемонъ и его преемники, изъ политическихъ соображеній по отношенію къ покореннымъ народамъ, вводятъ статуи и идоловъ въ религію Ирана.

У индусовъ первоначальный монотеизмъ оставилъ слѣды не только въ древнихъ пѣсняхъ Ведъ, но даже и въ ихъ нынѣшнемъ всюду господствующемъ многобожіи. Знаменитые европейскіе индологи заодно съ индійскими учеными утверждаютъ, что религія Ведъ далека отъ многобожія. Имена яко бы различныхъ боговъ произошли благодаря различнымъ народамъ, которые называли Творца всякій по своему. Доказательствомъ служитъ между прочимъ то, что свойства и дѣйствія, приписываемыя пѣснями этимъ божествамъ, всѣ являются выраженіями свойствъ высшаго существа. Имя одного божества иногда даже дается другому. Въ знаменитомъ четвертомъ гимнѣ стоитъ: „Я Индра есмь Варуна“.

Въ Китаѣ ученые открыли лишь недавно молитвы къ высшему существу, которыя произноситъ только императоръ въ дни праздниковъ. Онѣ, очевидно, являются памятникомъ древнѣйшихъ временъ, и народъ теперь тайтъ ихъ, какъ святыню. Эти молитвы выражаютъ такое неподдѣльное еди-побожіе, что каждый христіанинъ могъ бы благоговѣнно повторить ихъ.

Во всякомъ случаѣ религіозно-историческое изслѣдованіе нигдѣ еще не нашло тропинки въ самую раннюю юность

того или другого народа. Самые древніе изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ указываютъ на лежащее позади, еще болѣе древнее начало. Скажу больше: ни одинъ спеціалистъ не скрываетъ отъ себя, что только послѣ десятковъ лѣтъ успѣшной работы мы сможемъ, вполне ясно ознакомиться съ накопившимся и до сихъ-то поръ матеріаломъ. Но все-таки, насколько наука смогла подойти къ началамъ старыхъ цивилизацій, вездѣ въ древнѣйшихъ слояхъ находятся слѣды единобожія, съ исчезновеніемъ котораго въ позднѣйшихъ слояхъ многобожіе начинаетъ описывать все болѣе и болѣе широкіе и опустошительные круги, сопровождающіеся явными признаками упадка. Нигдѣ нѣтъ ясныхъ доказательствъ того, чтобы какое нибудь племя или народъ первоначально служили фетишамъ и многобожію и затѣмъ, путемъ самостоятельнаго развитія, дошли до единобожія. А гдѣ какой нибудь востоковѣдъ и старается вывести развитіе древнихъ религій востока изъ политеистическихъ началъ, тамъ при ближайшемъ разсмотрѣніи бросается въ глаза апіорность его построеній и недостатокъ доказательствъ, совсѣмъ не согласующіеся съ обычной тщательностью такихъ ученыхъ.

Такимъ образомъ, господа, мы не можемъ отогнать мысли, что человѣчество, привыкшее къ движенію впередъ во всемъ остальномъ—въ государственномъ устройствѣ и законодательствѣ, въ наукѣ, промышленности и искусствѣ—въ одной только религіи сдѣлало въ общемъ шагъ назадъ.

Миссъ Вильсонъ. Это даетъ поводъ думать, что человѣчество въ этомъ одномъ отношеніи имѣетъ другіе задатки: у него нѣтъ способности *создать* себѣ религію, какъ оно создало науку и искусство; религію оно должно ждать свыше.

Девилль. Это и есть тотъ выводъ, къ которому я хотѣлъ прійти.

Гайнбергъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что позитивистическій шаблонъ, нарисованный г. Бѣльскимъ, не выдерживаетъ современнаго изслѣдованія. Ренанъ хотеть вывести іудейское единобожіе изъ вліянія политическихъ образовъ или, что плохо вяжется съ этой гипотезой, изъ какого-то присущаго семитическимъ племенамъ, особеннаго „монотеистическаго инстинкта“. Мнѣ непонятно, какъ онъ могъ дойти до такихъ жалкихъ объясненій, когда и въ то время уже были открыты первоначальные слѣды единобожія у егип-

тянъ. Въ сочиненіи Бругша *Религія и міѳологія древнихъ египтянъ* онъ могъ бы прочесть длинный рядъ текстовъ, осязательно доказывающихъ, что понятіе о духовномъ, безконечно совершенномъ Богѣ, со всѣми почти качествами, приписываемыми ему христіанскими богословами, выступало замѣчательно ясно и живо у древнихъ египтянъ.

Но что изъ этого слѣдуетъ? только то, что вопросъ о возникновеніи религіи гораздо запутаннѣе, чѣмъ мы до сихъ поръ думали. Какъ сказалъ г. Девильтъ, мы не можемъ при настоящемъ состояніи науки дать ясную исторію ихъ происхожденія, но во всякомъ случаѣ мы должны отвергнуть построенія положительной философіи. Что же касается общей философской мысли объ однородности христіанства съ прочими религіями по существу и происхожденію—по моему нѣтъ не только надобности, но и возможности отвергать ее.

До сихъ поръ я соглашался съ ходомъ мыслей г. Девильтя: все складывалось для меня въ одно достаточно разумное цѣлое, въ которомъ я видѣлъ связь и единство или, по крайней мѣрѣ, возможность ихъ достиженія; но теперь вы разрушаете эту цѣлость, исключая христіанство изъ области общихъ міровыхъ законовъ. Я не вижу возможности идти съ вами дальше.

Семеновъ. Христіанство несомнѣнно выше всѣхъ современныхъ религіи, но ему еще многое недостаетъ, чтобы сдѣлаться окончательной религіей человѣчества. Кончится тѣмъ, что христіанство освободится отъ всѣхъ догматовъ и таинствъ и выступитъ чистой религіей любви.

Леруа. Что христіанство высшая и лучшая изъ всѣхъ религіи на землѣ, въ этомъ мы всѣ согласны, и я полагаю, что этотъ выводъ имѣетъ цѣну не только нашего личнаго мнѣнія. Кругозоръ XX-го столѣтія достаточно широкъ для объективнаго сравненія религіи.

Но христіанство вовсе не въ томъ смыслѣ *единственная* религія, чтобы съ нимъ нельзя было сопоставить никакой другой. Напротивъ, современное сравнительное изслѣдованіе, нисколько не умаляя заслугъ христіанства, показываетъ, что все его содержаніе (до извѣстной степени и въ нѣсколько нномъ видѣ) находится и въ другихъ религіяхъ. Христіанство считаетъ свое происхожденіе Божественнымъ, писаніе—священнымъ, но и другія религіи ссылаются на откровенія и чудеса

и обладаютъ священными книгами. Христіанство содержитъ въ себѣ догматы, но зерно ихъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Бѣльскій, находится и въ александрійской философіи, и въ браминской религіи, и въ другихъ мѣстахъ. Христіанство учитъ строгой нравственности, проповѣдуетъ самоотреченіе, создаетъ аскетовъ, но то же дѣлаетъ и буддизмъ, и даже монастыри, вызванные имъ къ жизни въ Тибетѣ, удивительно похожи на наши. Этимъ я вовсе не равняю буддизмъ съ христіанствомъ, какъ это дѣлаютъ многіе съ какимъ-то охотничьимъ задоромъ, но я ставлю его въ одинъ разрядъ съ христіанствомъ и прочими религіями.

Я. Позвольте вамъ замѣтить, что вещи часто бываютъ похожи другъ на друга, только пока на нихъ смотришь издали, а какъ взглянешь на нихъ вблизи, такъ сходство окажется призракомъ. Иней, покрывающій зимою стекла, часто принимаетъ видъ богатой растительности, но подъ увеличительнымъ стекломъ обманъ исчезаетъ: нѣтъ ни клѣточной ткани, ни жизни; глазъ видитъ только внѣшнимъ образомъ связанные кристаллы и окаменѣлость смерти. Точно также мнимая троичность и воплощеніе у браминовъ является мелкой болтовней и теряетъ всякій призракъ сходства при сопоставленіи съ неизслѣдимыми тайнами христіанства. То же самое надо сказать и о многихъ другихъ языческихъ вѣроученіяхъ и обычаяхъ, издали случайно имѣющихъ сходство съ христіанскими. Но послушаемъ, что отвѣтитъ на все это г. Девилль.

Девилль. Меня особенно интересуетъ возраженіе г. фонъ-Гайнберга, требующее чтобы христіанство не нарушало единства мірового цѣлаго. Я понимаю, что для философскаго ума единство важнѣе всего.

Леруа. Эта философія находится на днѣ каждой человѣческой души, хотя вполне сознаютъ ее немногіе.

Девилль. Совершенно вѣрно! поэтому, имѣя въ виду именно это возраженіе, я утверждаю, что христіанство не нарушаетъ единства мірозданія. Надо только единство понимать выше и обширнѣе, чѣмъ это обыкновенно дѣлается; надо понимать, что развитіе нашего эмпирическаго міра составляетъ, быть можетъ, только часть общихъ законовъ сушаго. Пока наука не вѣрила въ падающіе съ неба аэролиты, о которыхъ рассказывалъ народъ, она считала каждый найденный на

землѣ минераль геологическимъ образованіемъ. Когда же убѣдились, что аэролиты въ самомъ дѣлѣ падаютъ съ неба, то вслѣдствіе этого не произошло никакого нарушенія въ единствѣ нашего познанія о землѣ, а только расширился кругозоръ, и люди узнали, что на землѣ могутъ быть осколки астрального происхожденія. Такъ и христіанство могло возникнуть не изъ духовнаго развитія нашей планеты и все-таки не случайно принадлежать къ единству вселенной, а вытекать изъ высшихъ законовъ, опредѣляющихъ развитие этого единства.

Но что такое эти высшіе законы? Если-бы мы были ограниченными матеріалистами, то мы могли бы думать, что законы тяготѣнія, слѣпая механика атомовъ являются конечной причиной самихъ себя и всего существующаго на свѣтѣ. Но какъ только мы встанемъ на высшую точку зрѣнія и признаемъ, или повѣримъ, что кромѣ атомовъ есть духовное бытіе и что внѣ всего и выше всего стоитъ Богъ, абсолютное начало, все равно какъ бы мы Его ни называли, то мы должны безусловно признать Бога факторомъ, принадлежащимъ къ совокуности бытія, и, слѣдовательно, законы Его мудрости и благости—высшими законами всякаго бытія. По какому же праву можемъ мы отнимать у Бога свободу дѣятельнаго вмѣшательства въ жизнь вселенной?

Быть можетъ, вслѣдствіе унаслѣдованныхъ отъ матеріализма предразсудковъ, намъ покажется что свободная дѣятельность Бога въ мірѣ нарушаетъ его гармонію? Совсе нѣтъ. Нарушеніемъ порядка и безсмыслицей было бы, если-бы какой нибудь факторъ самъ дѣйствовалъ несообразно со своей природой. Но когда въ его область входитъ другой, высшій факторъ съ собственной дѣятельностью, то становится понятнымъ и согласнымъ съ законами логики и всего сушаго, что результатъ дѣятельности получается иной, высшій. Садовникъ подходит къ дичку и прививаетъ къ нему розу. Это возвышаетъ природу дичка, который самъ по себѣ не дошелъ бы ни до чего подобнаго, но этимъ отнюдь не нарушаются общіе законы природы, потому что и самъ садовникъ составляетъ часть ея. Точно также и Богъ принадлежитъ къ замкнутой совокуности бытія. Итакъ, почему же Онъ не можетъ приблизиться къ человѣку и дать ему высшую религію? Дѣлая это, Онъ выходитъ за предѣлы чело-

вѣческой, а не собственной природы, Онъ не преступаетъ законовъ своей мудрости и благодати и не нарушаетъ единства всякаго бытія. Напротивъ, произвольнѣйшимъ нарушеніемъ этого единства и всеобщаго порядка была бы попытка отказать Богу въ правѣ, въ которомъ не отказано даже человѣку, въ правѣ протянуть руку помощи низшему существу.

Но вы дальше указали, господа, на сходство христіанства съ другими религіями, созданными тѣмъ же человѣчествомъ? Отвѣтъ г. патера о призрачности этого сходства по-моему подходит во многихъ отношеніяхъ. Въ другихъ отношеніяхъ есть и дѣйствительное сходство. Но что изъ этого слѣдуетъ? Сходство, конечно, можетъ быть признакомъ родства, общности происхожденія, но можетъ имѣть и совершенно другія причины. Двѣ сдѣланныя для одной и той же цѣли вещи могутъ быть похожими, ни мало не завися другъ отъ друга по происхожденію. Точно также могутъ быть похожи вещи, изъ которыхъ одна служила прообразомъ другой, какъ, напр., сикстинская мадонна и ея списокъ, настоящее золото и сплавъ. Нѣтъ ли сходства этого рода и между сошедшей съ неба религіей и религіями земли? Посмотримъ.

Когда Богъ, позволившій человѣку достигъ всего остального собственными силами, захотѣлъ, чтобы религію онъ получилъ, какъ нѣчто исключительно важное и недостижимое, свыше отъ Него Самого, то Онъ конечно пригналъ эту религію по сердцу и уму человѣка, или, лучше сказать, сердце и умъ человѣка создалъ соотвѣтственно религіи, которую хотѣлъ дать. Во всякомъ случаѣ само собою разумѣется, что между подобной религіей свыше и потребностями и желаніями человѣческой души здѣсь, внизу, существуетъ извѣстное согласованіе, такъ какъ одно создано для другого. Далѣе также ясно, что душа, еще не получившая или не нашедшая Божественной религіи, сама изъ себя создаетъ различныя формы религіи, чтобы удовлетворить свое желаніе. Такъ организмъ, случайно лишенный необходимой части, создаетъ себѣ ложное образованіе, не составляющее самаго органа, но аналогичное ему. Если я не ошибаюсь, вы, г. патерь, еще вчера коснулись этой мысли. Такъ и въ человѣчествѣ наряду съ истинной религіей должно существовать извѣстное число ложныхъ религій, и эти послѣднія

должны имѣть много сходства и точекъ соприкосновенія съ истинной, потому что всѣ онѣ вытекаютъ изъ тѣхъ же неудовлетворенныхъ потребностей и стремленій души, для истиннаго утоленія которой Богъ даетъ свою религію.

Леруа. Это можно назвать дѣйствительнымъ и прекраснымъ объясненіемъ сходства между христіанствомъ и другими религіями. Но для того, чтобы согласиться съ нимъ, надо разсмотрѣть и обратную сторону, т. е. существенное различіе между христіанствомъ и всякой другой формой религіи. Сплавъ долженъ химически отличаться отъ настоящаго золота.

Девилль. Разумѣется, существенное различіе должно быть обнаружено, но за этимъ дѣло не станетъ. Затрудненіе только въ томъ, что выбрать и на чемъ прежде всего остановиться въ общей бесѣдѣ.

Обратите, напр., вниманіе на то, какъ возникаютъ религіи. Обыкновенно онѣ зарождаются въ историческомъ сумракѣ, часто на рубежѣ цивилизаціи, въ туманѣ, предоставляющемъ полный просторъ фантазіи. Христіанство, напротивъ, является въ моментъ высшаго расцвѣта до-христіанской цивилизаціи, въ средоточіи тогдашняго міра, въ нѣдрахъ образованной народности, умѣвшей читать, писать... и критиковать. Если оно хотѣло свѣта для своихъ начатковъ, то не могло выбрать лучшаго мѣста и времени. Оно выступаетъ не неожиданно, а возвѣщается пророчествами, поразительное согласованіе которыхъ съ дѣйствительными событіями свладѣваетъ убѣжденіями многочисленныхъ современниковъ. Оно находитъ выраженіе въ книгахъ, написанныхъ не много вѣковъ спустя, какъ было съ буддизмомъ и другими религіями, но, по признанію строжайшей критики, въ то же столѣтіе, въ которомъ училъ Христосъ. Эти книги отличаются такой трезвостью и простотой, такимъ искреннимъ и правдивымъ тономъ, что самая враждебная предубѣжденность не можетъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. И вся высота догматовъ христіанства, все идеальное совершенство его нравственнаго ученія, которое мы не успѣли достаточно оцѣнить и до конца исчерпать въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ,—все это съ самаго начала заключалось въ этихъ книгахъ.

А какая разница въ способѣ распространенія! Изъ всѣхъ другихъ религій только буддизмъ и исламъ обладаютъ до

извѣстной степеню силой покорять народы и земли. Но буддизмъ вездѣ дѣлаеть уступки религіямъ, которыя встрѣчаютъ. Куда бы ни проникъ Будда, мы вездѣ видимъ его мирно сидящимъ въ кругу туземныхъ божествъ. вмѣсто того чтобы изгонять идоловъ, какъ онъ, можетъ быть, намѣревался, онъ вездѣ увеличивалъ ихъ число своимъ собственнымъ изображеніемъ. Исламъ вошелъ въ союзъ со страстями. Душѣ онъ далъ возвышенныя понятія о Богѣ и молитвѣ, заимствованныя у христіанства, а тѣлу потворствовалъ невысокою степеню нравственныхъ требованій. Первымъ средствомъ онъ побуждалъ язычество, а съ послѣднимъ выступилъ противъ христіанства. Вѣрою въ неизбѣжную судьбу и изображеніемъ чувственнаго рая онъ увлекалъ толпу и, окрыленный ея рвеніемъ, распространился огнемъ и мечемъ по землѣ. Какъ не похоже на это распространеніе христіанство! Эта духовная струя отъ самаго источника течеть съ той свѣтлой чистотой, которую мы видимъ въ Евангеліи и въ посланіяхъ ап. Павла, и несетъ свои могучія волны во всѣ стороны. Она разбиваетъ плотину, которой синагога хочеть преградить ея юный бѣгъ, она затопляетъ насыпи римскаго міроваго владычества. Она смываетъ храмы, идоловъ, философію, игры, пороки, и, разливаясь по всему земному шару, всюду несетъ сѣмя духовнаго возрожденія и геройскихъ добродѣтелей.

Вѣльскій. Что изъ того, что христіанство преодолѣло препятствіе? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Именно препятствія и преслѣдованія, какъ это всегда бываетъ, и были причиной роста и побѣды христіанства.

Я. Простите, но эта ходячая фраза требуетъ поясненія и ограниченія, иначе она будетъ нелѣпностью. Препятствія сами по себѣ не могутъ ни вызывать, ни умножать силъ. Еще менѣе способна на это та потребность, которой вы передъ этимъ приписывали возникновеніе христіанства. Препятствіе или потребность можетъ только встряхнуть человека и побудить къ обнаруженію имѣющагося у него на лицо запаса силъ. Если этотъ внутренній запасъ отсутствуеть или не превышаетъ препятствій, то уничтоженіе неизбежно, о побѣдѣ не можетъ быть и рѣчи. Когда индійскіе раджи начали преслѣдовать буддизмъ, онъ исчезъ въ Индіи. Какъ только окрестившіеся римскіе цезари начали ока-

зывать самое незначительное давленіе на язычество, остатки его въ самое короткое время исчезли изъ имперіи, не вызвавъ ни одного мученика. Во всей исторіи только одно христіанство носило такой неисчерпаемый запасъ духа и жизненной силы, что шутя преодолюло всѣ преграды и притѣсненія. На смерть и мученія оно посылало своихъ послѣдователей не въ краткій мигъ вдохновенія, а въ продолженіе трехъ долгихъ столѣтій, такъ что приверженцы его имѣли время отрезвиться и сообразить, увѣрены ли они въ томъ, за что даютъ себя убивать. И не одну только грубую силу побѣдило христіанство: оно такъ же славно выдержало опасное искушеніе торжества и владычества и не менѣе опасное соприкосновеніе съ греческой философійей, которая могла бы совершенно разложить или видоизмѣнить его, если бы оно не заключало въ себѣ неразрушимаго начала. Такъ же справилось оно и съ внутренними распрями, уничтожающими всѣ другія учрежденія. Оно не поколебалось отъ натиска полудикихъ народовъ, грозившихъ низвергнуть его въ варварство, въ которомъ они утопили римскую цивилизацію. Оно выдержало гораздо болѣе опасныя и льстивыя объятія возрождающейся языческой культуры и теперь выдерживаетъ нападки критическаго разума и упоенной успѣхами науки. На это послѣднее заявленіе вы качаете головой, г. Бѣльскій? Напрасно: доводы, представленные третьяго дня г. Девиллемъ, вполне доказательны. Такой жизненности и силы сопротивленія не обнаружало ничто въ мірѣ кромѣ христіанства.

Миссъ Вильсонъ. Мнѣ кажется еще, что только христіанство обладаетъ силой обращать народы.

Леруа. Насколько мы знаемъ всеобщую исторію, христіанство въ этомъ отношеніи безспорно занимаетъ первое мѣсто; но я не вижу повода совершенно отказывать другимъ религіямъ въ способности пріобрѣтать приверженцевъ. Г. Девилль только что призналъ ее за буддизмомъ и исламомъ.

Миссъ Вильсонъ. Да, но это совсѣмъ не то, это въ сущности не обращеніе.

Я. Совершенно вѣрно, сударыня. Наши миссіонеры, близко наблюдающіе народы востока, съ сожалѣніемъ убѣждаются, что буддизмъ не далъ имъ ничего, что бы отличало ихъ отъ язычниковъ. А куда проникаетъ исламъ — вѣдь есть

мѣста, гдѣ онъ распространился только въ наши дни—тамъ онъ дѣлаетъ людей худшими и болѣе жестокими, чѣмъ они были въ язычествѣ.

Гайнбергъ. Это правда. Нѣмецкіе путешественники находятъ подтвержденіе этого у африканскихъ негровъ, принявшихъ исламъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Что же касается странъ, гдѣ Магометъ царитъ давно, т. е. широкаго пояса, охватывающаго сѣверную Африку и южную Азію, то удивительно, какъ тамъ все вымерло и опустѣло подъ властью корана. Въ первую минуту магометанское завоеваніе вызвало даже извѣстную цивилизацію, можетъ быть потому, что порабощеніе было полное и возстановило миръ, въ которомъ раса могла развить свои способности. Но поразительно быстро послѣдовало роковое истощеніе. Страны, бывшія когда-то плодороднѣйшими и населеннѣйшими въ мірѣ и освѣщавшія все человѣчество лучами своей образованности, теперь являются пустыней, въ которой влачатъ жалкое существованіе рѣдкіе поселки и скудныя кучки деревень.

Меня всегда поражало въ моихъ путешествіяхъ, что земли подъ властью ислама лежатъ какъ мертвыя, и я пришелъ къ заключенію, что въ этомъ долженъ быть виноватъ коранъ. Онъ съ теченіемъ времени налагаетъ на народъ какой-то отпечатокъ, который я коротко опредѣлилъ бы какъ неизменное желаніе наслаждаться тѣмъ, что даетъ день, и тупое равнодушіе къ тому, въ чемъ онъ отказывается, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ и безъ желанія улучшить свой жизненный жребій.

Я. Это такъ и есть. Христіанство же, напротивъ, ставитъ передъ народами недостижимый идеаль и пріучаетъ ихъ такимъ образомъ стремиться къ идеаламъ. Изъ области религіи это проникаетъ и въ жизнь и вселяетъ въ народы то благодѣтельное безпокойство, которое побуждаетъ ихъ къ вѣчному движенію впередъ.

Леруа. Я бы приписалъ разницу между магометанскими и христіанскими народами скорѣе расѣ или климату, но не религіи. Греко-римскій міръ и раньше христіанства возвысился до значительной цивилизаціи. Это, вѣроятно, лежитъ въ романской крови.

Я. Я согласенъ, что раса и климатъ не лишены значенія; но что религія имѣетъ также большое вліяніе, это ясно изъ

факта, приведеннаго г. Гайнбергомъ, а именно, что народы и земли, обладавшіе прежде цвѣтущей культурой, заковались подъ властью корана.

Конечно, и до и внѣ христіанства были цивилизаціи, но такъ сказать, формальныя, поверхностныя. Онѣ украшали жизнь высшихъ слоевъ богатствомъ и искусствомъ, но въ глубинѣ душъ оставляли дикость и безчеловѣчность по отношенію къ слабѣйшимъ, къ невольникамъ, женщинамъ, больнымъ, бѣднымъ. Христіанство принесло совершенно новое начало—любовь къ Богу и любовь ко всѣмъ людямъ въ Богѣ черезъ Христа. Это внутреннее преобразование конечно не сразу сокрушило крѣпкія римскія учрежденія и не сейчасъ измѣнило грубую природу варваровъ, но оно сразу обнаружило свое благодѣтельное вліяніе: оно повело общество навстрѣчу евангельскимъ идеаламъ и усвѣяло бесплодную землю пышными цвѣтами благотворительныхъ учреждений. Всѣхъ больныхъ и несчастныхъ христіанство съ любовью прижимало къ груди, слабыхъ защищало отъ грубости, простыхъ учило, пустыни дѣлало плодородными и вносило въ нихъ свѣточи вѣры и образованности. Такъ обратило оно и отживающую римскую имперію и варварскія народности, тогда какъ никакая другая религія, не говоря уже о философіи, не сдѣлала и половины того. И въ этомъ смыслѣ можно сказать вмѣстѣ съ миссъ Вильсонъ, что только христіанство обращаетъ народы.

Гайнбергъ. Очень хорошо, но наше разсужденіе дробится на разные вопросы. Мы не даемъ, г. Девиллю развить до конца его мысль, а между тѣмъ насъ очень занимаетъ этотъ конецъ.

Девилль. Напротивъ, все сказанное идетъ къ дѣлу. Все это вмѣстѣ ведетъ насъ къ заключенію, что жизненное начало христіанства есть вещь *sui generis* и совсѣмъ другого рода, чѣмъ начала прочихъ религій или человѣческихъ установленій. До сихъ поръ мы съ вами окинули взглядомъ только внѣшнюю сторону христіанства, его распространеніе въ исторіи человѣчества. Теперь мы должны бы рассмотретьъ его внутреннюю сущность, его великіе догматы, его нравственное ученіе, столь обильное плодами святости; но я боюсь, что это заведетъ насъ слишкомъ далеко и, можетъ быть, разъединить.

Я сдѣлаю только одно общее замѣчаніе относительно содержанія христіанства, для того чтобы заравъ отвѣтить на возраженіе г. Бѣльскаго и г. Леруа.

Они сказали, что христіанство составлено изъ частей, встрѣчающихся и въ другихъ религіяхъ. Раньше я указалъ, откуда можетъ происходить это сходство въ отдѣльныхъ точкахъ. Теперь я прибавлю, что именно въ этомъ, я готовъ сказать—собирательномъ, характерѣ христіанства я вижу новое доказательство того, что оно—абсолютная религія. При ближайшемъ разсмотрѣніи христіанство оказывается не смѣсью различныхъ составныхъ частей, а великолѣпнымъ, сразу отлитымъ цѣлымъ, соединяющимъ въ себѣ все, что есть благороднаго въ нескѣ и илѣ человѣческихъ религій. Оно является цѣлю, къ которой онѣ видимо всѣ стремятся, никогда не достигая ея, и, слѣдовательно, религіей, отвѣщающей совокупности потребностей и запросовъ человѣческой души.

Такъ, напр., послѣднее выраженіе индійскаго генія, буддизмъ, достигаетъ правды только наполовину. Онѣ признаетъ, что видимый міръ не есть абсолютное благо и правда, но выводитъ изъ этого ложное заключеніе, что *ничто* абсолютно. Переведенное на практику, это умозрѣніе даетъ только на половину хорошее жизненное ученіе—умерщвленіе плоти. Эта аскеза похожа на христіанскую тѣмъ, что освобождаетъ духъ отъ пораженія чувствамъ, но, будучи связана съ отчаянной вѣрой въ нирвану, она впадаетъ въ безумныя преувеличенія, неизвѣстныя христіанамъ. Нѣсколько далѣе идетъ геній Греціи, чувствующій за обманчивымъ блескомъ преходящихъ вещей существованіе абсолютнаго добра и красоты. Но и онѣ останавливается на поль-дорогѣ. Въмѣсто того, чтобы направленіемъ обязанностей человѣка къ абсолютному установить живое отношеніе къ этому абсолютному, онѣ довольствуется отвлеченными умозрѣніями и наполняетъ жизнь радостью при видѣ отраженія абсолютнаго въ красотѣ твореній. Хотя они и признавали Бога, говорить ап. Павелъ о людяхъ греко-римскаго міра, но они не чтити его, какъ Бога.

И не только полетъ отдѣльныхъ философій, не только первоначальныя религіи человѣчества, о которыхъ мы говорили, но даже и тотъ неизменный политеизмъ, въ который

впало позже большинство народовъ, стоитъ въ такого рода отношеніяхъ къ христіанству. Даже самая мысль умножить число боговъ повидимому вытекаетъ изъ трудности постичь Бога, какъ одинокое, бесплодное существо. Это какъ будто глухое предчувствіе тайны Божественной Троицы, должеествовавшей быть возвѣщенной христіанствомъ и разрѣшить эту трудность. Антропоморфизмъ, теофанія на землѣ, все это—выраженіе тоски и мольбы челоуѣчества, чтобы Богъ приблизился, снизошелъ къ нему, другими словами—жажда воплощенія Слова. Почитаніе умершихъ при всемъ своемъ суевѣрїи и нелѣпости содержитъ всетаки возвышенное начало, и оно тоже есть осколокъ нашего дивнаго догмата о загробной жизни. Даже кровавыя, даже челоуѣческія жертвы показываютъ, что челоуѣчество въ глухомъ чувствѣ или смутномъ воспоминанїи первоначальныхъ преданїй подозрѣвало о своемъ паденїи и о необходимости искупленїя.

Теперь возьмите, господа, всѣ эти религіи съ ихъ отрывками правды и красоты, разсѣянными среди необозримаго множества ошибокъ и басенъ, освященныхъ пороковъ и мерзостей. Поставьте рядомъ съ ними христіанство съ его чистымъ, освящающимъ ученїемъ любви, съ его догматами о вѣчномъ Отцѣ, безконечно совершенномъ, по личномъ, а потому доступномъ уму и сердцу, о предназначенїи челоуѣка къ вѣчному блаженству, которое онъ долженъ самъ себя заработать свободной дѣятельностью, о Христѣ, который дивнымъ сочетанїемъ Божества съ челоуѣчествомъ возвышаетъ насъ надъ землею и приближаетъ къ Богу. И разсудите: стоитъ ли христіанство среди остальныхъ религій, какъ *одна изъ нихъ*, хотя бы и лучшая? Не имѣетъ ли оно скорѣе вида образца среди списковъ, настоящаго золота среди поддѣльнаго, однимъ словомъ, не имѣетъ ли оно того вида, который должна имѣть данная Богомъ религія?

Миссъ Вильсонъ. Безъ сомнѣнїя христіанство есть то, чего ищетъ душа челоуѣка.

Девилль. У древнихъ былъ прекрасный обычай, по которому двое людей, заключавшихъ союзъ дружбы, ломали каменную досчечку, такъ называемую tessera. Встрѣчаясь послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, они прикладывали одну къ другой сохраненныя ими части tessera и по тому, какъ плотно онѣ приходились другъ къ другу, узнавали, что они

друзья. Такъ, господа, подходитъ къ христіанству чело-
вѣческая душа. Вѣками искала она религіи, разрѣшенія
высшихъ вопросовъ, соединенія съ Богомъ, которое въ са-
момъ дѣлѣ соотвѣтствовало бы ей. Она хваталась за всѣ
вѣроученія, за всѣ обряды и философіи. Одно не утоляло ея
жажды истины, другое оскорбляло ея нравственное чув-
ство, ничто не подходило къ ней вполне. Вспомните вели-
колѣпную Психею въ Неаполѣ: прекрасна, но безконечно
печальна, смотритъ она внизъ, какъ будто ея внутренній
міръ разбитъ и растерзанъ. Такова челоуѣческая душа въ
древности. Только по дарованіи ей христіанства она по-
чувствовала, что отнынѣ и сердце и разумокъ удовле-
творены, что эта религія отвѣчаетъ ея нравственному
чувству, ея чувствамъ, ея идеаламъ добра и красоты, од-
нимъ словомъ, что она совершенно подходитъ къ ней—до-
казательство того, что она есть вторая половина той же дос-
чечки и вышла изъ рукъ *одного* ваятеля. И душа всѣми
силами своего существа обратилась къ христіанству и на-
шла въ немъ восторгъ и блаженство, которыхъ никогда не
знала. Посмотрите на фрески катакомбъ, какъ она стоитъ
въ видѣ молящей съ поднятыми руками и ясно смотритъ
въ небо, какъ бы желая подняться къ нему. Такъ изобра-
жали ее, когда она нашла христіанство.

Изъ этого соотвѣтствія христіанства съ челоуѣческой
душой слѣдуетъ свойственная ему всеобщность. Изъ всѣхъ
религіи и философіи одно христіанство отвѣчаетъ всѣмъ
временамъ, всѣмъ странамъ, всѣмъ ступенямъ развитія. Оно
было доступно рабамъ, оно привлекало утонченные умы
римской знати, оно покорило сердца сѣверныхъ варваровъ,
пришедшихъ на завоеваніе Рима, оно понятно кафрамъ и
монголамъ и оно приводитъ въ изумленіе умы, стоящіе при
входѣ въ XX-й вѣкъ на высотѣ образованности..

Леруа... какъ доказываетъ наша бесѣда.

Девилль. Двѣ тысячи лѣтъ, можетъ быть, и не долгій
срокъ для религіи, но христіанство за это время пережи-
ло столько перемѣнъ на землѣ, оно наталкивалось и до сихъ
поръ наталкивается на такія различныя ступени варварства
и культуры, что доказательствъ его всеобщности накопилось
достаточно. И эта потенціальная всеобщность, выходящая,
какъ мы уже видѣли, изъ согласія христіанства съ сущ-

ностью души, даетъ право надѣяться, что христіанство, какъ вчера доказывалъ г. патеръ, когда-нибудь дѣйствительно сдѣлается религіей всего міра.

Бэльскій. Почему же на свѣтѣ столько невѣрующихъ людей, если христіанство такъ подходитъ къ душѣ?

Девилль. Потому что въ душѣ, наряду съ естественными и потому общечеловѣческими потребностями и стремленіями, существуютъ еще требованія, взгляды и желанія отдѣльныхъ единицъ или цѣлыхъ классовъ, вырастающіе отчасти изъ случайныхъ условій обстановки. Общечеловѣческимъ движеніямъ души Божія религія должна отвѣчать, какъ вторая половина той же *tesserae*, а отвѣчать другимъ движеніямъ у нея, въ ея цѣломъ, нѣтъ ни надобности, ни возможности. Причина проста: произвольныя требованія и воззрѣнія различныхъ людей противорѣчатъ другъ другу; невозможно, чтобы единая истина подходила ко всемъ имъ. Чѣмъ болѣе удается намъ проникнуть въ глубину нашей разумной природы и освободиться отъ предразсудковъ минуты и вліяній обстановки, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, какъ соотвѣтствуетъ христіанство всей душѣ, и сердцу и разуму.

Леруа. Сердцу—да, по разуму...—это во всякомъ случаѣ смѣлое утвержденіе, или, лучше сказать, въ извѣстномъ смыслѣ христіанство говоритъ разуму, а въ другомъ отношеніи отталкиваетъ его отъ себя. Христіанство поражаетъ разумокъ своей духовной силою, восхищаетъ его своими успѣхами, колоссальная величина которыхъ не вяжется со скудными средствами. Но какъ только пораженный и восхищенный разумокъ подходитъ къ догматамъ, въ которые ему приказываетъ вѣрить христіанство, такъ онъ испытываетъ непреодолимое отвращеніе, и конечно каждый образованный вѣрующій человѣкъ сознается, что онъ долженъ съ большимъ трудомъ отречься отъ своего разсудка, чтобы мочь вѣрить.

Я. Нѣтъ, господинъ Леруа, Богъ не требуетъ чтобы человѣкъ отрекся отъ разсудка, но Онъ хочетъ, чтобы разумокъ склонился предъ Нимъ. У Пиеагорейцевъ послѣднимъ доводомъ при каждомъ обмѣнѣ мнѣній было—„такъ сказалъ учитель“ (*αὐτὸς ἔφα*). Это—прекрасное, но преувеличенное выраженіе того почитанія, которое ученики оказывали ге-

нію своего учителя. Ни передъ кѣмъ изъ людей неумѣстно такое преклоненіе разума, но передъ Богомъ—да! потому что Богъ—абсолютный разумъ и истина. Человѣческій разумъ можетъ искать, разумно изслѣдовать, *не открылъ ли* чего Богъ, но онъ долженъ дѣлать это со смиренной готовностью, безъ критики вѣрить всему, чему соизволили научить насъ Богъ. Между тѣмъ случается, а въ наше время и очень часто, что разумъ идетъ обратнымъ путемъ: какъ только онъ наталкивается на догматъ, о которомъ ему говорятъ, что онъ открытъ людямъ Богомъ, такъ онъ прежде всего хочетъ подвергнуть его своей критикѣ, приложить къ нему масштабъ своихъ взглядовъ и мнѣній и по немъ судить, можетъ ли такой догматъ исходить отъ Бога. Такой порядокъ вещей совершенно опрокидываетъ отношеніе твари къ Творцу и слѣдовательно можетъ только удалить человѣка отъ Бога и Бога отъ человѣка.

Вы говорите, что христіанство изумляетъ разумокъ своими успѣхами. Это и есть тотъ блескъ сверхъестественныхъ знаменій, который сіяетъ вокругъ христіанскаго ученія. Именно этимъ оно и можетъ убѣдить разумокъ въ Божественности своего происхожденія. Вы дальше говорите, что догматъ отталкиваетъ? Да,—если разумокъ начинаетъ не съ того, т. е. съ критики догмата, и нѣтъ, —если онъ, какъ должно, готовъ смиренно принимать то, во что повелѣваетъ ему вѣрить Богъ. Тогда, напротивъ, все дѣлается удивительно ясно, и душа ощущаетъ тотъ восторгъ, о которомъ мы только что говорили. Богословіе учить, что во всемъ этомъ дѣйствуетъ благодать Божія, но это не мѣшаетъ разумку дѣйствовать совершенно разумно, какъ разумно онъ дѣйствуетъ и въ обыкновенной жизни, вѣря словамъ человѣка, стоящаго довѣрія.

Такое подчиненіе разума Богу иногда требуетъ усилій, а именно тогда, когда разумъ боленъ высокомеріемъ. Эта болѣзнь, на которую вы обратили вниманіе въ предыдущія бесѣды, представляетъ отличительный признакъ нашего времени. Но что изъ этого слѣдуетъ? Во всѣ времена пріятіе или сохраненіе вѣры стоило чего-нибудь. Богъ всегда требовалъ жертвы. При Діоклетіанѣ, для того чтобы быть христіанномъ, приходилось не только отложить въ сторону предразсудки, но поставить на карту и состояніе и жизнь.

Теперь, въ вѣкъ духовной гордыни, какъ сказала вчера миссъ Вильсонъ, надо подчинить Богу разумъ.

Миссъ Вильсонъ. Я начинаю уже вѣрить возможности соединенія сердца съ разсудкомъ въ дѣлахъ вѣры, ваше преподобіе. Но развѣ въ этомъ можетъ убѣдиться только разсудокъ, а не сердце? Видите-ли, мы теперь обсуждаемъ вопросъ, Богомъ ли открыто намъ христіанство. Г. Девиалль привелъ соображенія разсудка, которыя всѣ мы, хотя, можетъ быть, въ различной степени, признаемъ вѣскими. Но обсудимъ теперь этотъ же вопросъ со стороны сердца, поставимъ его такъ: желательна ли, чтобы Богъ открывалъ намъ религію?

Вспомните то, что мы слышали за эти дни о слѣпотѣ и ничтожествѣ человѣческаго рода въ религиозномъ отношеніи, объ его вѣчно возобновляющихся и вѣчно безуспѣшныхъ усиліяхъ нравственно подняться и ошупью во мракѣ найти Бога. Послѣ всего этого, мнѣ кажется, нечего сомнѣваться въ отвѣтѣ. Для человѣчества не можетъ быть ничего желательнѣе того, чтобы Богъ поучалъ его относительно религіи.

А теперь я опять спрошу: можемъ ли мы допустить, позволяеть ли намъ сердце думать, чтобы Богъ, Отецъ этого бѣднаго человѣчества, смотрѣлъ на него, видѣлъ, какъ оно блуждаетъ въ поискахъ за Нимъ, и не хотѣлъ бы помочь ему и открыть ему истину? Мнѣ кажется, постановка этого вопроса есть уже его разрѣшеніе. Что скажете вы, господа?

Я. Мы скажемъ, что ваше сердце было для васъ превосходнымъ проводникомъ къ истинѣ. Но будьте увѣрены, что и разсудокъ сопровождаетъ это чувствованіе сердца, потому что и онъ принуждаетъ насъ признать, что у Бога есть сердце: откуда же иначе оно было бы у насъ?

Я сдѣлаю еще шагъ и скажу, что Богъ могъ открыть людямъ только *одну* религію, потому что отъ Бога можетъ исходить только истина, а истина можетъ быть только одна. Богъ могъ сообщать намъ эту истину постепенно, внушая время отъ времени новыя вдохновенія, до тѣхъ поръ пока не ниспослалъ ея во всей ея полнотѣ во Христвѣ. Но этимъ способомъ Онъ давалъ не различныя религіи, а допускалъ постепенное развитіе одной и той же. Съ другой стороны и языческія религіи и философіи могутъ таить въ глубинѣ

отрывки первоначальнаго откровенія, доставшагося въ удѣлъ человѣчеству въ его младенческіе дни. Эти отрывки блестятъ, какъ золотыя жилки въ глыбѣ обыкновеннаго кварца, и всетаки являются благодѣяніемъ для бѣдныхъ языческихъ народовъ. Но все это части единой, истинной, Божественной религіи. Нѣсколькихъ Божественныхъ религій нѣтъ и не можетъ быть, потому что множественность религіи основывается на различіи ученій, различіе ученій на заблужденіи, а заблужденіе не можетъ итти отъ Бога.—Но изъ этого я вывожу еще одно важное слѣдствіе.

Въ прекрасной картинѣ, нарисованной намъ г. Девиллемъ, христіанство являлось среди всѣхъ другихъ религій, какъ нѣчто, несмотря на поверхностное сходство, совершенно отличное отъ нихъ, какъ нѣчто такое, что не развивается изъ человѣчества, а даруется ему свыше, что носитъ въ себѣ всѣ признаки Божественнаго происхожденія и этимъ увлекаетъ душу. Кого этотъ видъ недостаточно убѣждаетъ въ Божественности христіанства, тотъ долженъ по крайней мѣрѣ безусловно признать, что это—лучшая изъ всѣхъ религій, какія существуютъ на землѣ.

Гайнбергъ. Очевидно! и съ этимъ мы всѣ давно согласились.

Я. Прекрасно! Такъ какъ затѣмъ мы изъ краснорѣчиваго изложенія миссъ Вильсонъ убѣдились, что, въ виду настоящаго положенія человѣчества, Богъ сжалился надъ нимъ и открылъ ему религію, такъ какъ, затѣмъ, мы признали немислимьмъ, чтобы Опъ открылъ *нѣсколько* религій, то ясно, что лучшая изъ существующихъ религій и должна быть въ то же время Богооткровенной религіей. Такимъ образомъ и тѣ, кто на пути сравненія находятъ только *относительное* превосходство христіанства, должны признать, что оно—абсолютная, Божественная религія.

А изъ этого, наконецъ, слѣдуетъ, что нельзя допустить замѣненія христіанства въ будущемъ новою, высшею религіей или измѣненія его сущности путемъ освобожденія отъ догматовъ, какъ хотѣлось г. Семенову. Исходящая отъ Бога истина неизмѣнна. Не въ христіанствѣ, а въ человѣчествѣ надо ждать измѣненій, и что касается меня, то я, какъ вы знаете, жду, что человѣчество будетъ все лучше понимать христіанство, все больше любить его и все больше складываться по его образцу.

Какого вы объ этомъ мнѣнія, господа?

Гайнбергъ. Я долженъ заявить себя побѣжденнымъ г. Девиллемъ. Мои опасенія относительно нарушенія единства міра были неосновательны. Я понимаю, что и теистическое міровоззрѣніе даетъ прекрасное единство, которое я охотно изслѣдоваль бы поглубже.

Семеновъ. Кто хочетъ доказывать Божественность христіанства, тотъ, по-моему, долженъ оставить въ сторонѣ все, о чемъ вы распространялись, и гонорить о Христвѣ.

Миссъ Вильсонъ. Ахъ, это правда! отчего это не пришло намъ въ голову?

Деруа. Г. Семеновъ долго молчалъ, но теперь сказалъ тоже очень разумную вещь.

Гайнбергъ. Стоило поразсуждать и о томъ, что мы разбирали сегодня, интересна будетъ и бесѣда о Христвѣ; но теперь такъ поздно, что жалъ начинать ее. Я предлагаю отложить ее до завтра.

Миссъ Вильсонъ. Хорошо. До завтра, господа!

М. Моравскій.

(Продолженіе будетъ).
